

Алексей ЗАХАРОВ

«Реальный социализм» и «азиатский способ производства»

XX век задал человечеству загадку: почему попытка осуществить скачок из царства необходимости в царство свободы на деле привела к созданию ультраабсолютистских государств, по степени концентрации власти (и по степени злоупотребления ею) превзошедших все, что знала мировая история? Наиболее простое решение предлагают принципиальные противники социалистической идеи, считающие ее противоречащей эгоистической по сути своей человеческой природе. Однако история дает нам немало примеров того, что присущие человеку эгоистические начала не исключают построения жизни на принципах коллективизма, существования общественной собственности, которая стара, как мир.

В первобытном обществе (до его разложения) по крайней мере земля, несомненно, находилась в общественной собственности, и никто не испытывал от этого никаких неудобств. Более того, на последующих этапах развития цивилизации мы нередко встречаем нотки сожаления об утрате былой общности. Например, в оде Горация «О римской роскоши» читаем ¹:

...Не то заповедали
 Нам Ромул и Катон суровый,—
 Предки другой нам пример давали.
 Скромны доходы были у каждого,
 Но умножалась общая собственность;
 В своих домах не знали предки
 Портиков длинных лицом на север;
 Простым умели дерном не брезговать
 И позволяли камень обтесанный
 Лишь в государственных постройках,
 Да при убранстве священных храмов.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

Идеи общности имущества оставались и у первых христиан. В Евангелии при описании жизни первых христианских общин сказано: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто

---

¹ Квинт Гораций Флакк. «Оды, эподы, сатиры, послания». М., 1970, с. 114.

ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного. И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» (Деяния святых Апостолов, глава IV, 32, 34—35).

История, археология, этнография дают множество примеров того, что общественная собственность в принципе *возможна*, она заняла свое место в развитии человечества. Но насколько она *целесообразна* в тех или иных конкретно-исторических условиях — это совершенно особый вопрос.

Экономика, в принципе, может управляться двумя путями: или из единого центра, в административном порядке, или посредством рынка. И человечество давно уже испробовало оба пути. Рынок связан с *частной* собственностью, а административное управление — с *государственной*.

Первые шаги человеческой цивилизации почти повсюду прошли под знаком *государственного способа производства* (иначе называемого «азиатским способом производства»). Не избежала его и Европа: такова была крито-микенская цивилизация, по всем параметрам очень напоминавшая восточные деспотии. Как свидетельствуют, например, африканские материалы, первоначально этот способ производства быстро развивается, в итоге образуются огромные и мощные «империи». Но, достигнув определенного уровня, общество как бы застывает на нем, начинает просто воспроизводить себя.

Иная судьба была у стран и народов, развитие которых связано с частной собственностью и рыночными отношениями. И если *внешне* кажется, будто мы имеем дело с двумя имеющими свои закономерности *расходящимися* линиями развития — «западной» и «восточной», то фактически следует признать, что в стадийном, формационном, отношении западная и восточная модели *неравноценны*. «Западная» модель, конечно, выше: Европа пережила «азиатский способ производства», рабовладение, феодализм, капитализм, а большинство стран Востока так и «застряло» на стадии «азиатского способа производства».

В свое время Ф. Энгельс так описывал первые шаги человеческой цивилизации: «Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного дрянного индивида, было ее единственной, определяющей целью»². Так писать не следовало бы. Благодаря «богатству отдельного дрянного индивида» Европа стала Европой, а Энгельс — Энгельсом. Если бы не «низкая алчность», Энгельс жил бы в «традиционном обществе», где, например, пытки — «нормальное» явление, личность беззащитна перед лицом государства. И Энгельс был бы там не свободным мыслителем, а в лучшем случае — почитаемым толкователем Вед или Корана. А главное — все это фактически неверно. Не страсть к *обогащению*, а жажда *власти* была движущей силой развития на ранних этапах человеческой цивилизации.

Власть и собственность

Когда европейские теоретики в XVIII—XIX веках впервые начали серьезно обсуждать проблемы власти и собственности, они жили в условиях капитализма. При этом власть и собственность были уже четко разделены. Власть относилась к сфере *публичного* права, а собственность — к сфере *частного* права (разделение на *ius publicum* и *ius provatum* восходит еще ко временам римского права). Власть — функция

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. II. М., 1955, с. 308.

государства, а собственность — атрибут *гражданского общества*³. Государство не подменяет собой гражданское общество.

Но так было не всегда. На заре человеческого общества власть и собственность совпадали. Существовал единый феномен «власти-собственности». Лидер крупной общины, а впоследствии — государства осуществлял права собственника в силу присущей ему власти. И проблема лидерства, выбора хорошего лидера значила очень много для благосостояния общины. Потому лидер и имел некоторые привилегии.

Вопреки марксистским представлениям, происхождение государства — это во многом проблема *возвышения лидера*, приобретающего в силу присущей ему власти собственность на многое из того, что первоначально было (и долгое время считалось) общественной собственностью. Самое важное, что нужно уяснить при анализе государственного («азиатского») способа производства, состоит в том, что верховный правитель здесь обладает собственностью в силу присущей ему власти, *власть и собственность сливаются воедино*.

Не следует думать, что при таком устройстве рядовые общинники лишаются всякой инициативы в вопросах землепользования. Но все свои шаги они должны были согласовывать с местным начальством, а в конечном счете — с верховным правителем, независимо от того, являлся ли он формально собственником всей территории страны (как было в большинстве «восточных» государств) или нет.

При этом учеными, исследовавшими «восточные» типы общества, была отмечена еще одна их характерная деталь — *безответственность власти* и отсутствие каких-либо гарантий для подданных. Если, например, массовые репрессии вовсе не являлись неотъемлемой чертой «азиатского способа производства», то тенденция к произволу власти в этих обществах существовала всегда.

На раннем этапе развития «восточных» обществ трудно обнаружить какие-либо следы частнособственнической эксплуатации. (Это, кстати, часто приводило в недоумение советских ученых, преданных марксистским догмам: как это так, частнособственнической эксплуатации нет, а государство есть, да еще какое!) На этом этапе эксплуатации осуществляется государством. *Государственный аппарат и господствующий класс совпадают*. Впоследствии в этих обществах развиваются и частнособственнические отношения. Возникают богатые и бедные, имущие и неимущие, находящиеся между собой в отношениях всевозможной зависимости. Но основная линия сословно-классового членения по-прежнему проходит между государственным аппаратом и плательщиками ренты-налога. В числе последних могут быть и собственники, и неимущие.

Положение собственника, не принадлежащего к государственному аппарату, остается в таких обществах очень неустойчивым. Контрольные функции чиновника ставили его перед произволом, вымогательством, вплоть до экспроприации. Богатый человек на Востоке постоянно рисковал своим имуществом, а иногда жизнью. Сильное развитие государства и слабое, зачаточное развитие гражданского общества — такова характерная черта Востока.

Совсем иначе обстояло дело на Западе. Уже Аристотель рассматривал общественную собственность как второстепенную, а частную как основную. Римляне выработали чеканные формулировки гражданского права, на века ставшие образцом для европейского сознания. В условиях феодальной раздробленности государство почти отсутствовало, так что, по существу, каждый помещик стал своего рода государем. Но и тут контроль «сверху» весьма ограничен. Польская пословица гласит: «Пан

³ Эта категория, кстати, как известно, начисто отсутствует в «реальном социализме».

на заброде равен воеводе». Хотя между сеньорами и вассалами существовали отношения господства и подчинения, эти отношения во многом носили *договорный* характер и накладывали на стороны *обоюдные* обязательства. Король при феодализме долгое время воспринимался как «первый среди равных». Даже с преодолением раздробленности и образованием национальных государств центральная власть еще долгое время оставалась слабой, и экономическая жизнь протекала как бы *под* ней. Когда же, на исходе феодализма, государство непомерно усилилось и попыталось поднять под себя гражданское общество, по всей Западной Европе прокатилась волна буржуазных революций.

Опыт «построения социализма»

Опыт построения социализма в XX веке оказался, мягко говоря, неудачным. Нам внушали, что у нас общенародная собственность, но на самом деле это была государственная собственность. Не народ, а правящая элита пользовалась, владела и распоряжалась всеми средствами производства.

Однако социализм и огосударствление производства — не одно и то же. Если признать версию о тождестве этих двух понятий, то целесообразно поставить вопрос, не следует ли считать родоначальником социализма в России Петра I, который настроил множество казенных заводов, связанных с нуждами армии, и снабдил их чем-то невиданным — *крепостным рабочим классом*! И это не шутка: если под социализмом понимать то, что было у нас на протяжении трех четвертей века, то на поставленный вопрос можно ответить, пожалуй, положительно. Не случайно в условиях «реального социализма» так непомерно разросся военно-промышленный комплекс. Не случайно и то, что при Сталине в соответствии с предвоенными указами Президиума Верховного Совета СССР положение рабочих ничем не отличалось от положения крепостных: они были *прикреплены к предприятиям* подобно тому, как некогда крепостные были прикреплены к земле или приписаны к заводам. И ключ к пониманию постигших нас бедствий, по-моему, следует искать в *подмене общественной собственности государственной*.

Классики марксизма видели специфику нового общества в том, что все будут участвовать в управлении производством. Но достижима ли эта цель? Каков может быть механизм соответствующего процесса? На эти вопросы классики марксизма не дали ясных ответов. Реальная же практика привела к тому, что попытка установить *общественный способ производства* на деле обернулась установлением *государственного способа производства*. Но государственный способ производства (иначе называемый «азиатским») — это, то, что человечеству давно и хорошо знакомо. Общество опустилось на давно пройденный (а в Европе — давно отвергнутый) уровень развития. Были воспроизведены все присущие «азиатскому способу производства» характеристики, о которых мы говорили выше, причем в многократно усиленном варианте.

Мы видели, что в условиях «азиатского способа производства» положение частных собственников весьма не прочно. Но в СССР пошли дальше — частная собственность была полностью уничтожена. Предпринимательство преследовалось как уголовно наказуемое деяние. Государственный сектор хозяйства стал единственной реальностью (колхозы были фактически огосударствлены, и рассматривать их как самостоятельный сектор хозяйства нельзя). О столь полном уничтожении частной инициативы не мог мечтать ни один восточный деспот. Был уничтожен рынок. Так называемый «хозрасчет» представлял собой чисто

формальную калькуляцию, которая не использовалась для принятия серьезных хозяйственных решений. Было уничтожено и гражданское общество, неслышанно возросла эксплуатация человека. Государство выжимало из трудящихся все соки ради поддержания своей военной мощи и паразитического потребления правящей элиты. Как и при «азиатском способе производства», *государственный аппарат и господствующий класс совпали*.

Таким образом, сходство советского общества с «азиатским способом производства» велико и поразительно. В обоих, случаях почти безраздельно господствовала публично-правовая сфера при почти полном отсутствии частного права. Тщетно было бы искать в советских учебниках по теории государства и права слово «свобода», которой неотъемлемо обладает каждый человек и которую государство должно обеспечить своим законодательством. Для обеих систем характерны наглый произвол чиновничества и бесправие подданных. Государство было всем, а отдельный человек — ничем. «От нас ничего не зависит», — таков был постоянный рефрен речей «советского гражданина».

Есть, однако, и различия, причем не в пользу «реального социализма». «Азиатский способ производства» вызвал к жизни корпоративную структуру. В советской системе не было ничего даже отдаленно похожего. Все «общественные организации» находились под строжайшим контролем государства. Даже в царской России существовал такой институт, как *земство*, являвшийся в какой-то мере школой самоуправления и тем или иным путем до некоторой степени противостоявший государству. В СССР не было ничего подобного.

Известно, что в средние века на Востоке в некоторых странах принимались законы, по которым государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь сельских общин. Самую суть советского общества составляло вмешательство государства во все стороны и сферы жизни общества, включая личную жизнь его членов.

Всемогущее государство, лишённое всех противовесов, окончательно сходит с нравственных рельсов: оно становится *преступным*. На исходе феодализма абсолютистские государства практиковали искусственную «фабрикацию» судебных дел. Ультраабсолютистские государства XX века подхватили и развили эту «традицию». Массовые репрессии, связанные с именем Сталина, сегодня общеизвестны⁴.

Еще одна черта, объединяющая рассматриваемые два типа общества, — это *престижное потребление верхов*. В СССР оно камуфлировалось: все-таки идеологической основой признавался марксизм, санкционировавший уничтожение эксплуатации и социальное равенство. Но, по существу, тайное ни для кого не было тайным, и проблема льгот и привилегий выдвинулась на первый план, как только режим зашатался.

Сравнивая «реальный социализм» и «азиатский способ производства» как формы, базирующиеся на государственном способе производства, важно не исключать из поля зрения другие факторы. На определенной стадии своего развития и капитализм приобретает глубоко бюрократические черты. Повсюду царят централизация, стандартизация, унификация и т. д. «Массовое производство однородной продукции, характерное для этого этапа, делало возможным и предполагало усиление централизации. Оно же требовало от работника узкой специализации, превращая человека в «винтик» гигантской производственной машины.

⁴ Личность Сталина наложила существенный отпечаток на формирование модели «реального социализма». В системах такого типа личность верховного правителя, стоящего на вершине пирамиды, вообще значит очень много. По-моему, при более благоприятном стечении обстоятельств репрессий такого масштаба могло и не быть. Но чего не могло не быть — это произвола государства и попрания прав человека.

Оно порождает не только стандартизацию потребления, но и стандартизацию культуры... Появились объективные возможности манипулирования массовым сознанием, чем не замедлили воспользоваться политические партии и правящие режимы. Средства массовой информации стали успешно культивировать доступные пониманию «среднего» человека идеалы: труд, жертвенность, стандартный достаток, общие (национальные, классовые и др.) цели. Свобода на практике нередко оборачивалась послушным исполнением команд, сомнения трансформировались в поиск врагов, индивидуальность — во всеобщность: всеобщую идею, всеобщий восторг и всеобщую ненависть»⁵.

Человек превращался в «винтик», а, как писал Э. Ильенков, где есть «винтики», там нужна и «отвертка». Не случайно Ленин так симпатизировал государственно-монополистическому (т. е. бюрократическому) капитализму, почти не отличая его от социализма (в его понимании, конечно), и пуще огня боялся мелкобуржуазной стихии — оплота всякой свободы. Не случайно большевики после Октябрьской революции принялись насаждать на предприятиях тейлоровско-фордовскую систему. Эту систему они так поносили, когда находились в оппозиции капитализму, но она понадобилась пришедшим к власти большевикам, так как превращала рабочего в «винтик».

В становлении «реального социализма» сыграл свою роль и традиционно российский менталитет — традиции сильной государственности, низкий культурный уровень населения, слабость или почти полное отсутствие демократических традиций. Но главная причина названа выше: это *возрождение феномена власти-собственности*, с которого начиналась человеческая цивилизация и который теперь — на таком позднем этапе! — воскрес.

Эти процессы получали свое идеологическое обрамление. И здесь сходство советского общества с «восточной моделью» исключительно велико. В «восточных» обществах, когда обожествленный правитель-деспот эксплуатирует подданное население, последнему долгое время кажется, что его «естественный повелитель» по-отечески «управляет» им. Так же обстояло дело и в советской системе. Сейчас нам уже трудно понять, почему такой кровавый тиран, как Сталин, мог вызывать у масс неподдельное восхищение и, по существу, религиозное поклонение.

Для «реального социализма» и «азиатского способа производства» характерна *сакрализация власти*. Ленин и Сталин были объектами настоящего религиозного культа, своего рода богами. Связь власти с религией и в том, и в другом обществе бросается в глаза (в СССР это была эрзац-религия — соответствующим образом препарированный марксизм). Но если в древних обществах верховный правитель считался связанным с потусторонними силами, обеспечивающими благосостояние государства, то в СССР, где официальной идеологией был материализм, аналогичную роль играла идея коммунизма — «светлого будущего», к которому идет все человечество. Многие пережили это сопровождающее древние религиозные культы сочетание страха и энтузиазма. Оно — характернейшая черта тоталитарных обществ, идущая из глубочайшей древности. Люди с неподдельным энтузиазмом трудились на эксплуатировавшее их государство, веря в «светлое будущее» и считая свои жизненные трудности сугубо временными.

Но в то же время между традиционными верованиями «восточных» обществ и новой религией «реального социализма» была существенная разница, отмеченная Д. Фурманом. Если традиционная религия обещает

⁵ Востриков П. Общественное развитие: пять формаций или две «ветви»? «Мировая экономика и международные отношения», 1991, № 12, с. 47.

блаженство в потустороннем мире (положение, эмпирически не верифицируемое), то «коммунистическая вера» сулит построение рая на Земле, что эмпирически вполне проверяемо. Со временем несоответствие учения и действительности порождает кризис системы. Кроме того, развитие науки и техники, необходимое в ее интересах хотя бы для создания военной мощи, приводит к сужению сектора с традиционалистским и догматическим сознанием, к росту социальных слоев с более критическим взглядом на окружающую действительность, все больше приходящим в противоречие с идеологическими догмами: «...закономерности эти во многом — своеобразная модификация общих закономерностей религиозно-догматической системы, идущей от стадии секты к стадии монополюбно господствующей в обществе церкви, полностью определяющей все стороны жизни общества. Такой стадии мы достигаем при Сталине, когда наша система приобретает законченный и классический характер... Отсюда — болезненность и кратковременность периода расцвета системы, в которой сразу же после смерти Сталина отчетливо начинают проявляться признаки «старости», утраты той живой веры, которая составляла ее «душу», ее «витальную» силу. Ибо хрущевская «либерализация» связана не со стремлением к демократии (его еще не было), но с усталостью и правящего слоя, который уже не может выносить далее чудовищного напряжения сталинского террора и «строительства социализма», а затем и «коммунизма», и народа в целом»⁶.

Иными словами, «надлом» коммунистической цивилизации в идейной области происходит раньше, чем система обнаруживает свою экономическую неэффективность и бесперспективность. В 50-е годы большое смятение в умах вызвал XX съезд КПСС. После этого общественное мнение никогда уже не было столь монолитным, как при Сталине, несмотря на все отчаянные усилия Брежнева «заморозить» этот процесс. Характерно, что ни Хрущева, ни Брежнева уже не называли «вождями». ореол сакральности с власти стал спадать. Д. Фурман пишет об этом так: «Система погружается в старческий маразм. Правящий слой думает лишь о „красивой жизни“ — дачах, машинах, поездках за рубеж. Идет постепенная „либерализация“, но эта „либерализация“ — не сознательное движение к демократии, а скорее — прямое продолжение коррупции и олигархизации, доброта, порожденная старческим бессилием».

Но что все это значит с социально-экономической точки зрения? В «восточных» обществах на определенном этапе развития начинается приватизация. Верховный вождь раздает своим родственникам, приближенным, чиновникам и т. д. определенную часть государственной собственности, которую они все больше начинают рассматривать как свою частную собственность. Кроме того, развивается «подпольный» бизнес. Так было и у нас. Верховная власть наделяла чиновников государственными дачами, машинами, квартирами, которые они, однако, все больше рассматривали как свои. Развивалась «теневая экономика»: руководство ряда предприятий окунулось в подпольную предпринимательскую деятельность (вещи, при Сталине немислимые). Так пробивала себе дорогу частная собственность, пусть пока еще в уродливой форме.

Одним из факторов подрыва системы была наука. С одной стороны, она ей необходима, с другой — смертельно опасна. Наука по идее своей свободна, она не знает идеологических ограничений и не признает догматических положений, отвергает монополию на истину; соответствующее «умонастроение» начинает переноситься и на общество в целом,

⁶ Фурман Д. Е. Наши тревоги и всемирная история. «Вопросы философии», 1990, № 11, с. 52—53.

⁷ Там же, с. 53.

именно благодаря ей страна превратилась в индустриальную, мы выиграли войну, обрели невиданную военную мощь... Но при перечислении всех этих достижений мы сталкиваемся с ситуацией, которую видели при «азиатском способе производства». Такие централизованные системы способны к определенным — и немалым — достижениям. Конечно, они не относятся к области повышения благосостояния народа. Реальной целью всегда было укрепление мощи государства, прежде всего военной мощи и всего того, что с этим связано. И здесь достижения могут быть впечатляющими, поскольку обеспечиваются объединение и координация труда множества людей в одном направлении (будь то строительство пирамид или покорение космоса). Но когда подумаешь о цене таких достижений, радоваться особенно не хочется.

Нельзя отрицать, что в конце 50-х — первой половине 60-х годов советская экономика отличалась значительным динамизмом, затем утраченным в эпоху Брежнева. Как ни нелеп был выдвинутый Хрущевым лозунг «Догнать и перегнать США по производству продукции на душу населения», многие верили в него, так как он находил некоторую опору в динамизме советской экономики. Однако одновременно качественные изменения начались в экономике капиталистического мира.

Капитализм преодолел «бюрократический спазм», свойственный первой половине XX века. Его экономике потребовались не «винтики», а инициативные люди. Для современного этапа развития производительных сил характерен переход от репродуктивного (массового, повторяющегося) типа воспроизводства к инновационному типу, который предполагает быстрое возрастание роли науки, гибкое, автоматизированное производство, постоянные изменения его структуры и пр. Если от работника традиционного индустриального типа требовались узкая специализация и дисциплина, то сейчас все более явно выходят на первый план широта мышления и творческое отношение к делу. Это предполагает создание действенных материальных и моральных стимулов к труду, повышение самостоятельности и ответственности работников. Но именно эти задачи оказалась не в состоянии решить советская экономика. В итоге экономическое соревнование с Западом было проиграно. Здесь ярко сказалась тенденция к застою, столь характерная для централизованных обществ.

***

Да, «реальный социализм» проиграл «экономическое соревнование», и это не удивительно. Как мы видели, «западная» модель прогрессивнее «восточной», которая значительно уступает в динамизме и всегда обнаруживает тенденцию к застою. Именно динамизма не хватало СССР, который с определенного момента начал уступать по всем показателям экономического и социального развития Западу, в том числе в своей «коронной» — военной — области.

Тенденция капитализма к монополизации и огосударствлению оказалась временной и сменилась противоположной. Сейчас, как никогда, ценны рынок и частнособственнические отношения. Весь ход развития доказал, что рыночный тип регулирования экономики значительно эффективнее государственного.

Очевидно, что в ближайшей исторической перспективе магистральным путем развития и нашей страны станут частная собственность и предпринимательство. Мы не можем изолироваться от окружающего мира; он давит на нас. Конечно, власть денег — вовсе уж не такая приятная вещь. Но она все же намного лучше и гораздо менее разрушительна для общества, чем власть грубого насилия.

Говоря о преимуществах социально-экономического устройства Запада перед моделью «реального социализма», я отнюдь не вижу в первом идеал. Как не видят в нем идеала и многие ученые и политики, борющиеся с недостатками современного капитализма у себя на родине. Даже современное предпринимательство не устраняет модели «хозяин—слуга», хотя практикует ее в очень мягкой форме. Идеалом социал-демократии, к которой я принадлежу, является полное устранение этой модели. Но это — идеал. Как его достигнуть?

Здесь еще много неясного. Насколько нам известно, в мировой литературе нет удовлетворительного и общезначимого прогноза развития производительных сил. Есть, например, мнение, что в будущем предприятия исчезнут и заменятся работой на дому. Вообще современный капитализм изменился: тенденция к установлению горизонтальных связей между самостоятельными производителями прослеживается вполне определенно.

Если же перенестись в значительно более удаленную эпоху, то намечается вообще *уход человека из сферы непосредственного производства*. П. Востриков пишет об этом так: «„Уход“ человека из непосредственного производства, вероятно, разрешит и противоречие труда: передача машинам производственных функций сделает излишним стимулирование работников и подчинение человека общественному производству как в „административной“, так и в „рыночной“ форме, а изготовление продукции непосредственно по заказам потребителей снимает проблему подтверждения ее общественной необходимости через рынок»⁸. Все это очень интересно, хотя и не вполне понятно.

Ясно, во всяком случае, одно: это будет уже совсем другая цивилизация. Это будет общество, не похожее на все, что знала мировая история до этого. Характерно, что эта идея советской официальной пропагандой всячески замалчивалась. И понятно: нас хотели уверить, что уже наступило то совершенное общество, о котором писали классики марксизма.

Конечная цель общества — уничтожение труда. Здесь можно вспомнить С. Платонова: «„Уничтожение труда“ — горькая пилуля, которую мнящий себя „марксистом“ проницательный читатель при чтении „Немецкой идеологии“ вынужден глотать множество раз. Во имя благопристойности и целомудрия „марксизма“ в его кафедрально-кастрированном варианте этот — один из многих — „грех молодости“ классиков тщательно игнорируется и замалчивается... Известная со времен Сократа совместная деятельность по постижению Истины, утверждению Бога, сотворению Прекрасного — это воистину „дьявольски серьезное дело“, но это не есть труд»⁹. Утверждение Истины, Блага и Прекрасного — в этом высший смысл человеческой жизни.

⁸ Востриков П. Указ соч., с. 49.

⁹ Платонов С. После коммунизма. Второе пришествие. М., 1991, с. 69, 70.